

2. Conte de Charles Perrault, Le petit chaperon [Электронный ресурс] / Режим доступа: [rougehttp://www.contemania.com/contes_perrault/Conte_Perrault_Chaperon_rouge.htm](http://www.contemania.com/contes_perrault/Conte_Perrault_Chaperon_rouge.htm) (дата обращения: 22.03. 2014).
3. Цикушева И.В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) [Электронный доступ] / Режим доступа: http://portal.tpu.ru/SHARED/t/TATVLAD/four/Tab6/Tsikusheva2008_2.pdf.
4. Мещерякова М. Литература в таблицах и схемах. 2-е изд., испр. М.: Рольф, 2001. 224 с.

Научн. рук.: Лойко О.Т. д.филос.н., проф. каф. культурологии и социальной коммуникации ИСГТ.

Проскокова, А.В.

**Коннотативные свойства орнитонимов в русских и немецких
пословицах и поговорках**

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

На Земле существует около 5-6 тысяч языков. Каждый из них уникален по-своему, обладает лексическим богатством и представляет собой лингвистическую ценность.

Известно, что многие лексические единицы в разных языках наделены переносным смыслом. Как правило, переносное значение является основой пословиц, которые вместе с поговорками и крылатыми выражениями образуют обширный лексический фонд конкретного языка. Многие пословицы и поговорки содержат названия животных, птиц и растений, которые, как правило, служат предметом сравнения качеств людей с особенностями представителей флоры или фауны.

Исследование коннотативных свойств орнитонимов является на сегодняшний день одной из актуальных задач лингвокультурного характера и призвано продолжить ряд работ по сходной тематике (см. А.Д. Адилова, И.Е. Козлова, А.С. Филатова, О.И. Блинова, Н.А. Чижик, В.Н. Телия, М.И. Шахнович, Ю.А. Карманова).

Данные подобных исследований возможно использовать при переводе художественной литературы, а также устной речи в ситуациях официально-делового и бытового характера.

На основании классификации зоонимической лексики Ю.А. Кармановой под орнитонимами понимаются названия птиц [3]. С помощью данных лексических единиц можно ярче выразить эмотивно-оценочное смысловое своеобразие. Эмоциональность, по мнению А.А. Водяха и Д.Д. Нос, считается важным свойством процесса речепорождения и общения, которое ответственно за ход передачи мыслей [2].

Под коннотацией понимаются «эмоциональные, экспрессивные, стилистические «добавки» к основному значению, придающие слову особую окраску» [4]. Среди коннотаций можно выделить четыре разновидности: экспрессивные (домище, тарашиться), эмоционально-оценочные (прекрасный, лодырь, болван, медведь), образные (тюфяк, спичка), стилистические (очи, лик, уста).

В результате сопоставительных исследований орнитонимов разных языков учёными был выдвинут мотивологический подход к описанию национально-культурного компонента лексического значения. В основе этого подхода – отбор мотивированных слов, т.е. обладающих таким свойством как мотивированность.

Как утверждает О.И. Блинова, мотивированные слова способны с помощью звучания передать значение [1].

В разных языках один и тот же предмет называется по-разному, следовательно, восприятие окружающей среды у каждой языковой группы разное. В русском языке среди мотивированных названий птиц обнаружены следующие (за основу выбрана классификация названий птиц русского языка И.В. Муравьёва [5]):

- гагара, глухарь, кукушка, лебедь – кликун, лебедь-шипун, свиристель, кулик (по сочетанию голосовых звуков, издаваемых при полёте или брачных песнях); соответственно из немецкого языка сюда можно отнести: *der Kuckuck*, *die Krähe*;
- серая неясыть, белая сова, белобровик, белый и чёрный аисты, рябчик, розовый пеликан (по окраске); из немецкого: *der Seidenschwanz* – свиристель (дословный перевод – «шёлковый хвост»), *die Kaiserkrone* – рябчик (дословный перевод – «королевская корона») – по внешнему виду;
- малая чайка, малая синица, большой (серый) дрозд, дубонос (по размерности);
- ползик, плавунчик, драчун-турухтан, полуночник – козодой (по чертам поведения); из немецкого: *der Taucher* – гагара (дословный перевод – «ныряльщик»);
- болотная сова, луговой чекан, белая степная утка – пеганка (по месту обитанию); из немецкого: *der Schlammläufer* – кулик (дословный перевод – «бегающий по илу»).

Сравнительно – сопоставительный анализ русских и немецких пословиц и поговорок в аспекте выявления общих и различных коннотативных значений

На основе проведённых наблюдений было выявлено, что в русских пословицах и поговорках наиболее часто встречаются среди орнитонимов: ворона, ворон, воробей, курица (цыплёнок), ласточка, орёл, сова, лебедь, синица, журавль, сокол, сорока, гусь. Исторически сложилось так, что многие орнитонимы в русском языке обладают коннотативным значением, которое передаёт различные качества человека.

Например, слово «ворона» в переносном значении – зевака, ротозей (о человеке), вместе с тем выражение «ворон считать» – означает «протозейничать». Следовательно, в русском языке коннотативное значение данного орнитонима носит отрицательный характер. Орнитоним «ворона» с данным значением встречается в русской пословице «Ворона за море летала, а ума не достала» («Ворон за море летал, а умней не стал») [8.С. 27]. Эта пословица употреблялась в речи, когда человек уезжал куда-либо (например, за границу), но возвращался прежним человеком, не набравшимся опыта, не узнавшим ничего нового. В немецком языке существует эквивалент этой пословицы – *Flög' eine Gans über's Meer, käm eine Gans wieder her* или *es flag ein Gänschen übern Rhein und kam als Gickgack wieder heim* [8.С.27]. Дословно эти пословицы переводятся с немецкого следующим образом: гусь за море летал, гусь вернулся; гусёнок летал за Рейн и домой вернулся гусем (здесь и далее мой перевод – А.П.).

Носители немецкого языка употребляют в качестве орнитонима в аналогичной пословице слово «гусь» («гусёнок»), значит, данный орнитоним в немецком языке обладает отрицательной оценкой в его коннотативном значении. Тому подтверждение статья в немецком словаре: слово «гусь» используется как ругательное слово о женщине – *So eine blöde Gans* [9. С. 389]! – глупая гусыня!

В русских поговорках встречается орнитоним «гусь», например, в поговорке «С него как с гуся вода» [8. С.21]. Эта поговорка указывает на человека, которого ничего не волнует (неодобр.). Поговорка произошла от того, что вода легко сходит с гусиных перьев, которые обладают свойством не впитывать жидкость. Значит, коннотативное значение орнитонима «гусь» носит отрицательный характер в русском языке, но уже другое значение по сравнению с немецким. Русской пословице соот-

ветствует немецкая «Er schüttelt es ab, wieder Hund die Flöhe» [8.C.21] (он стряхивает это, как собака блох). В немецкой пословице употреблён зооним *der Hund* (собака).

В другой русской пословице лексическая единица «ворона» обозначена скорее как символ несчастья, беды: «Пуганая ворона и куста боится» [7. С. 73]. Смысл этой пословицы заключается в том, что человек, который испытал сильный страх, начинает бояться даже тех вещей, которые вовсе не представляют никакой угрозы. Русской пословице соответствуют пословицы немецкого языка: «gebranntes Kind scheut das Feuer» (обожжённый ребёнок боится огня), «beschossene Hase flieht vor jedem Gebüsch» [7. с.73] (стреляный заяц бежит от каждого куста). Следовательно, в немецких аналогичных пословицах орнитонимы не употребляются. Однако в последней был употреблён зооним «*der Hase*» (заяц), что тоже относится к зооморфной лексике. В немецкой пословице «Eine Krähe hackt der anderen kein Auge aus» – «одна ворона другой глаз не выклюет» орнитоним «ворона» обладает отрицательной коннотацией (неодобр. о людях с общими интересами). Немецкой пословице эквивалентна русская: «Ворон ворону глаз не выклюет».

Интересен орнитоним «ласточка», так как он употребим и в русской и немецкой пословице: «Одна ласточка не делает весны» – «eine Schwalbe macht <noch> keinen Sommer» [7.C. 38] (одна ласточка не делает лета). Любопытно, что в этих эквивалентных друг другу пословицах используется один и тот же орнитоним «ласточка» (*die Schwalbe*), но разные времена года – весна (рус.) и лето (нем.) – *der Sommer*. Значение пословицы состоит в том, что хороший признак чего-либо ещё не говорит о хорошем результате. Вероятно, в русской и немецкой культурах птица ласточка является символом чего-либо хорошего, вестницей счастья, поскольку это перелётная птица, которая возвращается весной, в тёплое время года.

Среди орнитонимов в русских пословицах встречается также «лебедь». «Не учи белого лебедя плавать» [8. С.30], другими словами, не учи учёного, русская пословица, которая означает, что не стоит учить знающего человека, мастера своего дела. «Die Gans will den Schwan singen lehren» [8.C.30] – «Гусь хочет научить петь лебедя» (здесь и далее мой перевод – А.П.) – это немецкий эквивалент приведённой выше русской пословицы. Как было сказано выше, «гусь» – орнитоним, который в немецком языке имеет отрицательный смысл в его коннотативном значении (о глупом человеке). Следовательно, в немецкой пословице орнитонимы «гусь» и «лебедь» противопоставлены друг другу. Значит, орнитоним лебедь (*der Schwan*) носит как в русском, так и немецком языках положительную оценку в коннотативном значении. И в русской, и в немецкой пословице образ лебедя имеет положительную характеристику.

На основании проведённого исследования можно говорить о том, что в немецком и русском языках существует большое количество пословиц и поговорок, содержащих орнитонимы, которые играют важную роль в пополнении запаса лексики в обоих языках. При этом носители разных языков для более выразительного описания одной черты человека или ситуации употребляют в речи различные орнитонимы. Так, образуются непохожие по составу, но эквивалентные друг другу по смыслу пословицы и поговорки.

Использование разных орнитонимов связано с восприятием окружающей среды и бытом этноса. Для описания «зеваки» или глупого человека в русской поговорке используется орнитоним «ворона», а в немецкой «гусь». С другой стороны, слово «гусь» в русской лингвокультуре обладает другим коннотативным свойством, обозначающим равнодушного человека. В образовании различных коннотативных свойств орнитонимов важную роль сыграл образ мыслей разных менталитетов,

культур с разной историей и непохожим бытом. Однако, в христианстве «ворона» символизировала одиночество, а «гусь» олицетворял бдительность и провидение и является эмблемой св. Мартина Турского. Возможно, если религия и сыграла когда-то решающую роль в становлении образов в нравственном сознании людей, то разные ветви христианства – католичество и православие – оставили свой след в формировании разных мировоззрений народов. Кроме того, упоминается, что фольклоре гусь предстает в образе болтливого, по-матерински заботливого существа, несколько глуповатого (отсюда – "глупый как гусь"). Также в словаре говорится о вороне, который подобен его близкой родственнице – вороне: в западноевропейской традиции – это птица, связанная со смертью, утратой и войной, но в остальном мире – весьма почитаемая. В Европе на ее репутацию повлияла ассоциация с кельтскими богинями войны Морриган, Немаин и Бадб, а также с кровожадными викингами, их бога войны Одина всегда сопровождали два ворона – Хугин и Мунин [6].

Но иногда орнитонимы в тождественных пословицах совпадают, что означает общность коннотативных свойств определённых наименований птиц. Как было отмечено ранее, совпадающие коннотативные свойства орнитонимов «ласточка» и «лебедь» (положительные как в первом, так и во втором), закреплены в русской и немецкой пословицах. Коннотативные свойства орнитонимов в русском и немецком языках совпадают, вероятно, потому, что восприятие окружающей действительности носителями этих языков в некоторых аспектах одинаково, точнее, схожим является представление о человеке и природе. Так, ласточка обитает как в российских, так и в немецких климатических условиях, в тёплое время года; лебедь, возможно, стал символом красоты для обеих культур благодаря своему грациозному внешнему облику. Обращаясь к словарю символов можно убедиться в вышесказанном: «ласточка» олицетворяет надежду, приход весны, удачу. В христианстве ласточка – символ воскрешения, так как, возвращаясь с приходом весны, она приносит новую жизнь. В христианстве белый лебедь – это чистота, милосердие и символ Девы Марии. Его предсмертная песня символизирует страдания мучеников и христианское смирение [6].

Однако часто русскоязычным пословицам и поговоркам с орнитонимами соответствуют немецкие пословицы и поговорки с зоонимами (названиями животных). Например, в русской пословице используется орнитоним «ворона» (с отрицательным коннотативным свойством), тогда как в немецких поговорках либо орнитоним не употребляется, потому что, видимо, не стал актуальным для такого качества человека как «пугливость», либо употреблён зооним «заяц», обозначающий трусливого человека.

В целом можно сделать вывод о том, что зооморфная лексика является одним из самых выразительных способов передачи отношения к какому-либо человеку, предмету или явлению.

Литература:

1. Блинова О. И. Методы мотивологического исследования // Известия Томского политехнического университета г. Томск. 2003. №4, С. 148-149.
2. Водяха А. А., Нос Д.Д. Зооморфная метафора как одно из средств формирования эмоциональной картины мира // Русская речевая культура и текст» под ред. Болотновой Н. С. изд. Томского ЦНТИ. 2012, С. 107-111.
3. Карманова Ю. А. Наименования птиц отряда воробьинообразных в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №10, С. 76-80.

4. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учебник для филол. и лингв. фак. высш. учеб.заведений 4-е изд., стер. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия». 2005, с. 98.
5. Муравьев И. В. Происхождение названий птиц // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2006. №5, С. 104 -108.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. Л: ФАИР-ПРЕСС. 1999, 448 с.: ил [электронный ресурс], режим доступа: http://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/index.htm, дата обращения: 6.04.2014 г.
7. Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок 4-е изд., стереотип-М.: Рус.яз. Медиа. 2006, 214 [10] с.
8. Шалагина В.К. Немецкие пословицы и поговорки/ под ред. Н.Н. Гришина, Издательство института международных отношений. 2012, 814 с.
9. Götz D., Haensch G., Wellmann H. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München. GGP Media, Pößneck, in Zusammenarbeit mit der Langenscheidt Redaktion. 2003, S. 389

Рябова, Е.В.

**Креативность как личностное качество обучающихся
сквозь призму самоанализа**

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Важной особенностью современной образовательной парадигмы являются возрастающая роль принципа креативности, как основы развития творческого потенциала личности. В связи с этим усиливается внимание к личностному компоненту в структуре разнообразных компетенций, однако, в научном плане этот вопрос только обсуждается в рамках психологических исследований личности, в то время как теория компетентностного подхода наиболее представлена в контексте педагогических наук. Средством преодоления указанного противоречия может быть использован психолого-педагогический подход к изучению феномена креативности, как важного компетентностного качества личности.

Согласно психолого-педагогическим исследованиям креативность рассматривалась как процесс, продукт и качество личности в работах таких ученых как Л.Е. Варфоломеева, Н.Ф. Вишнякова, Л.Б. Ермолаева-Томина, А.М. Матюшкин, Е.А. Яковлева, Ф. Баррон, Е. Торренс, Е. Е. Туник и др. Исследованием креативности, как характерологического качества личности и ее способностей, занимались следующие ученые: Д. Б. Богоявленская, В. Л. Дранков, В. Н. Дружинин, А. Н. Лук, А. Маслоу, Дж. Гилфорд, К. Роджерс, Р. Стернберг и др. В центре данных исследований находится сам обучающийся, его личностные качества и способности, которые оцениваются как бы «со стороны», извне. Изучение того, как креативность воспринимается и понимается самой личностью обучающегося, в контексте педагогических наук не проводилось. Тем не менее, специалисты в области психологии поднимают вопрос о важности понимания обучающимися того что есть «креативность» применительно к конкретному виду учебной деятельности, а также не исключают вероятность искаженного восприятия креативности субъектом деятельности. Поэтому цель настоящей статьи мы видим в анализе степени понимания обучающимися креативности сквозь